

Е.Н. ЧерныхИнститут археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: archmetal@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО «СТЕПНОГО ПОЯСА» СКОТОВОДЧЕСКИХ КУЛЬТУР: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ АРХЕОМЕТАЛЛУРГИИ И РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ*

«Степной пояс» Евразии – своеобразный «домен» кочевых и полукочевых скотоводческих культур. С запада на восток он протянулся на 8 тыс. км (от Черного до Желтого моря), охватывая площадь до 8 млн км². Первые признаки формирования культур «степного пояса» совпадают с эпохой энеолита (V тыс. до н.э.) и с активизацией Балкано-Карпатской металлургической провинции. Зарождение мощных блоков скотоводческих культур приходится на ранний и средний периоды бронзового века (IV–III тыс. до н.э.) в рамках Циркумпонтийской металлургической провинции. Наиболее ярким событием этого времени стал феномен курганной майкопской культуры на Северном Кавказе. К данному периоду относятся и безусловные свидетельства освоения лошади под верховую езду (первобытная кавалерия), а также металлического оружия (наконечники стрел и копий). В конце III тыс. до н.э. зарождаются воинственные скотоводческие общности в центре Азии (Саяно-Алтай, Монголия). Важнейшим событием на рубеже III и II тыс. до н.э. можно считать встречное движение двух «волн» культур. От Урала на восток (вплоть до Алтая и Синьцзяна) продвигались массы степных скотоводов абашево-синташтинской, а затем и андроновской общностей. Из Центральной Азии к Уралу и далее в пределы Восточной Европы устремились воинственные сейминско-турбинские группы. К середине II тыс. до н.э. формирование «степного пояса» завершилось. Этот феномен просуществовал вплоть до Нового времени. Скотоводческие культуры «степного пояса» на разных этапах очень часто играли ключевую роль в истории евразийских народов.

Введение: взгляд историка и археолога

В апогее своего развития Евразийский «степной пояс» скотоводческих культур предстает перед современными исследователями поистине необозримым по своей протяженности: с запада на восток, от бассейна Нижнего и даже Среднего Подунавья вплоть до Маньчжурии, фактически без сколько-нибудь заметных перерывов – свыше 8 тыс. км. Тогда же полностью подвластные мобильным воинственным степным народам территории могли занимать 8 млн км² (рис. 1), и это в относительно «мирные» периоды существования!

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 08-06-00075) и РГНФ (проект № 08-01-00073а).

В течение очень длительного времени степная зона служила специфичным базовым «доменом» скотоводческих культур*. Однако столь же безусловным кажется, что этот «домен» охватывал также расположенные севернее и намного более комфортные для обитания скотоводов лесостепные регионы. Кроме того, они кочевали повсеместно не только на полупустынных, но даже на малоприветливых для обитателей пустынных территориях: от Закаспийских Каракумов

*Животноводство абсолютно доминировало в хозяйственных занятиях населения «степного пояса». Земледелие, если оно и имело место у оседлых популяций, всегда характеризовалось как зачаточное и никогда не играло сколько-нибудь заметной роли в жизни этих народов [Лебедева, 2005].

и Кызылкумов вплоть до центрально-азиатской Гоби. Пастухов степных сообществ не столь уж редко можно было встретить и по южным окраинам горно-таежных регионов (к примеру, на Саяно-Алтае). По этой причине понятие «степной пояс» достаточно условное: в реальности «пояс» включал в свою орбиту существенно более обширные пространства. Именно в таком смысле и следует воспринимать те положения, которые читатель встретит в данной статье.

Не следует также думать, что от южного (оседло-земледельческого) и северного (лесного) миров изучаемый нами «пояс» был отчленен строгими демаркационными рубежами. Напротив, на всей огромной его протяженности и фактически на всех этапах его существования возникали весьма заметные по территориальному охвату регионы, где наблюдалось чересполосное сосуществование разнообразных типов культур. Так было, к примеру, на придунайском, западном его фланге [Ecsedy, 1979; Jovanović, 1979], где степняки-скотоводы, начиная с медного века и вплоть до средневековья, время от времени глубоко внедрялись в исконные области оседлых земледельческих культур. В этом отношении особую значимость ряд исследователей придает выделению на юге среднеазиатской зоны т.н. Бактрийско-Маргианского археологического комплекса [Kohl, 2007, p. 182–213], в рамках которого взаимодействовали «цивилизованные» земледельцы со степными кочевыми «варварами-пастухами». Подобного рода примеры можно без труда умножить.

В исторической реальности процесс распространения культур «степного пояса» всегда отличался волнообразным характером. В случае удач динамичные воины-скотоводы могли подчинять чуждые им популяции на воистину необозримых пространствах. Захватнические устремления степняков были нацелены, как правило, на территории к югу от их «домена» – зону оседлых земледельческих культур. Внезапно слабея, они без промедления откатывались к северу. Однако при этом за их спиной оставались лесные культуры, которые, по всей видимости, практически всегда в большей или меньшей степени зависели от степняков.

В последние шесть тысячелетий, т.е. вплоть до Нового времени или же до XVIII и даже XIX в., Евразийский «пояс» степных культур являлся, без сомнения, одним из самых поразительных феноменов в истории народов этого континента. Периоды всеограшающих, невиданных по своей стремительности

Рис. 1. Расположение «домена степного пояса» евразийских скотоводческих культур.

нашествий конных степняков – непобедимых в те исторические моменты воинов – нередко повергали в буквальный паралич волю носителей многих оседлых культур. В долгой исторической памяти тех народов, которых не только в научной литературе, но и в популярной беллетристике привычно относят к разряду «цивилизованных», обыкновенно всплывают картины прошлого, обильно окрашенные кровью и мраком тотальных разрушений. Подобными воспоминаниями наполнены письменные источники, изустные сказы и эпические предания.

«Кто эти исчадия? Откуда появились эти нелюди? Из каких пустынных глубин? Не из диковинной ли и проклятой Богом страны Тартар? Говорят, что питаются эти дьявольские создания мертвечиной и изъясняются на никому неведомом языке. Видать, только за тяжкие грехи Господь мог наслать на наших людей эту адскую напасть». Примерно такими смятенными загадками в XIII столетии мучились многие властители христианской Европы, вплоть до Британских островов [Юрченко, Аксенов, 2002, с. 32–74]. Сходные стенания слышались тогда же и по множеству областей Азии. Связано было это с началом Чингизовых завоеваний. Всеохватная евразийская империя Чингизидов явилась, конечно же, как подлинным апогеем, так и заключительным актом степного насилия, его своеобразной «лебединой песней». Традиция резко отрицательных средневековых оценок татаро-монгольских сокрушительных завоеваний сохранилась в мировой литературе до наших дней. И пожалуй, только один из известных мне исследователей – Л.Н. Гумилев – стал энергичным и последовательным апологетом этих губительных катастроф, которые, как он полагал, катастрофами

вовсе не являлись*. Однако ужаснувшие мир монгольские завоевания лишь завершали длинную череду подобного рода бедствий. Предшественниками Чингисхана и его прямых наследников стали гунны со своим легендарным вождем Атиллой. Появились они на западе Евразийского континента опять-таки из неведомых для европейцев и устранивших их глубин Азии. Неукротимые всадники гуннов нанесли разящие удары по обеим – восточной и западной – частям некогда единой Римской империи. Как известно, в V в. гунны докатились почти до районов современного Парижа и только там удалось остановить их беспощадный бег.

В своем продвижении вниз по хронологической шкале, пересекая рубеж новой эры, мы погружаемся в степной скифо-сарматский мир. В I тыс. до н.э. он простирался от низовьев Дуная вплоть до Западной Монголии. Богатейшие и нередко насыщенные золотом курганные захоронения скифо-сарматских вождей до сих пор волнуют как исследователей-археологов, так и широкую публику. Проникали скифы и далеко на юг, переваливая Главный Кавказский хребет. В конце VI в. до н.э. Дарий, намеревавшийся с помощью своего персидского воинства наказать и сокрушить лишь крупицу необъятного кочевого мира, потерпел в своих попытках полную неудачу. Об этом подробно поведал Геродот, и в его повествовании был явственно очерчен тот залог стратегической неуязвимости степных всадников, который имел место во все предшествующие и последующие исторические эпохи (едва ли не до Нового времени).

По всей вероятности, наиболее тяжкие страдания от болезненных, а порой и трагических столкновений с миром степных культур испытывал Китай. Причем борьба эта продолжалась не менее трех тысячелетий, вплоть до позднего средневековья. И если на более западных евразийских пространствах южный мир от степного, северного, отделяли могучие горные цепи – от Кавказа до Памиро-Тяньшаня, – то китайцам пришлось бесконечно долго сооружать знаменитую сте-

*Л.Н. Гумилев во множестве своих произведений воспевал монгольское иго. Он расценивал его фактически как почти не требовавшее доказательств очевидное благо, прежде всего для Древней Руси, которую монголы якобы успешно обороняли от внешних врагов. В Монголии культ Чингисхана сохраняется и доныне. Здесь следует добавить, однако, что без каких-либо просветов черная краска не всегда годна для портрета культуры степных и пустынных кочевников. Вспомним, что именно в среде мобильных скотоводов зародились некоторые идеи, сыгравшие особую роль в истории человечества. Я имею в виду, к примеру, монотеизм у древних евреев III–II тыс. до н.э., ислам у полуоседлых и кочевых обитателей Аравийского п-ова. Об этом же свидетельствует ряд технологических инноваций, в частности в сфере степной археометаллургии.

ну, которая почти всегда оказывалась крайне слабым барьером для летучих отрядов «степных ковбоев»*.

Первые признаки зарождения Евразийского «степного пояса» – этого устрашающего столь многих феномена – стали проявляться в самом начале эпохи раннего металла или же в медном веке, т.е. с V тыс. до н.э. К концу II тыс. до н.э. границы «степного пояса» приобрели те контуры, которые в своих главных чертах сохраняются в течение последующих трех тысячелетий. Основная задача предлагаемой статьи – выделение генеральных этапов сложения этого «пояса» в эпоху раннего металла**. Таковых этапов, как представляется в данный момент, четыре. Кроме того, в рамках второго и третьего этапов можно наметить также ряд последовательных фаз. Фундаментом настоящего исследования стали обширные базы данных по древнейшему металлу (120 тыс. артефактов из различных металлургических провинций) и радиоуглеродным датам (почти 1 700 калиброванных определений), накопленные и систематизированные в лаборатории Института археологии РАН.

Ранний (первый) этап формирования «степного пояса» культур: Балкано-Карпатская металлургическая провинция

Начало сложения «степного пояса» скотоводческих культур, по всей вероятности, следует увязывать с зарождением и взрывным, стремительным процессом формирования знаменитой Балкано-Карпатской металлургической провинции медного века (БКМП) [Chernykh, 1992, p. 35–53]. В период максимального распространения металла и металлической продукции самой провинции ее территория составляла примерно 1,3–1,4 млн км² (рис. 2). В ряду горно-металлургических и металлообрабатывающих очагов, слагающих структуру БКМП, с достаточной мерой надежности можно вычленим три основных блока культур (рис. 2). Первый – важнейший и центральный – охватывал территорию примерно в 0,75–0,8 млн км² и включал горно-металлургические про-

*Таким весьма выразительным и броским термином наградили Е.Е. Антипина и А. Моралес степных восточно-европейских воинов бронзового века [2005].

**Ограниченный объем статьи диктует крайне лапидарный стиль изложения материалов с опорой на суммарные графики распределения сумм вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат и общие – схематические географические карты. По этой же причине в данном тексте можно сосредоточить внимание лишь на ключевых проблемах и археологических общностях в ущерб многим, которые как бы невольно оказались причисленными к разряду второстепенных.

Рис. 2. Ареал Балкано-Карпатской металлургической провинции.

А – центральный блок оседлых земледельческих культур Балкано-Карпатя: А-1 – Бутмир, А-2 – Винча С/Д, А-3 – Караново V – Марица, А-4 – Караново VI – Гумельница, А-5 – Варна, А-6 – Лендьел, А-7 – Тисаполгар, А-8 – Бодрокерестур; Б – блок культур Кукутень – Триполье; В – блок степных скотоводческих культур: В-1 – днепро-днецкая/мариупольская, В-2 – среднестоговская, В-3 – хвалынская.

изводящие центры, локализованные по преимуществу на севере Балкан и в Карпатском бассейне. В этих центрах производилось огромное число медных орудий и оружия, а также украшений [Todorova, 1999]. Именно к культурам данного блока относятся такие широко известные уникальные памятники, как Варненский «золотой» некрополь или же рудник Аи бунар, остающийся, в сущности, и по сей день древнейшим в мире, по крайней мере, из разряда детально обследованных.

Второй блок связан с совокупностью культур трипольской (кукутень-трипольской) общности (0,16–0,18 млн км²). Он, без сомнения, должен рассцениваться как периферийный относительно центрального. Это заключение представляется вполне справедливым, к примеру, в отношении металлопроизводства. В трипольской общности резонно различать три основных типа культур (этапа): триполье А, В и С1. В рамках этой общности отмечались исключительно очаги металлообработки. По характеру и сути они второстепенные, зависимые, поскольку в них на базе привозной меди из центров главного блока Балкано-Карпатской провинции трипольские мастера изготавливали орудия и украшения. По всей вероятности, именно второй блок стал основным передатчиком меди на восток, в среду обитания степного населения.

Третий – восточный (северо-восточный) и определенно маргинальный во всей системе БКМП – блок занимал территорию до 0,4–0,5 млн км². Его целиком слагали культуры или, точнее, археологические общности степных скотоводов. На рис. 2 представлены основные территории распространения указанных общностей. Однако их «точечное» присутствие в зоне придунайских оседло-земледельческих культур являлось также вполне очевидным (см., например: [Comşa, 1991]).

В отношении степных сообществ юга Восточной Европы следует непременно обратить внимание на ряд существенных особенностей. Исследователи бытовых и могильных памятников степного блока без каких-либо затруднений отчлениют их не только от сравнительно отдаленных селищ и некрополей, скажем, придунайских, но и соседствующих с ними – трипольских. Различия здесь очевидны во всем комплексе основных признаков культур, но так обстоит дело лишь при внешних сопоставлениях. При попытках обнаружить достаточно определенные и надежные различия во внутренних структурах общностей в работах тех же исследователей появляется целый ряд подчас взаимоисключающих выводов. Литературные и устные дискуссии по этим – в данном случае, видимо, неоспоримым – проблемам приобретают порой жестокий характер. Попытки корректного различения отдельных культур постоянно упираются в

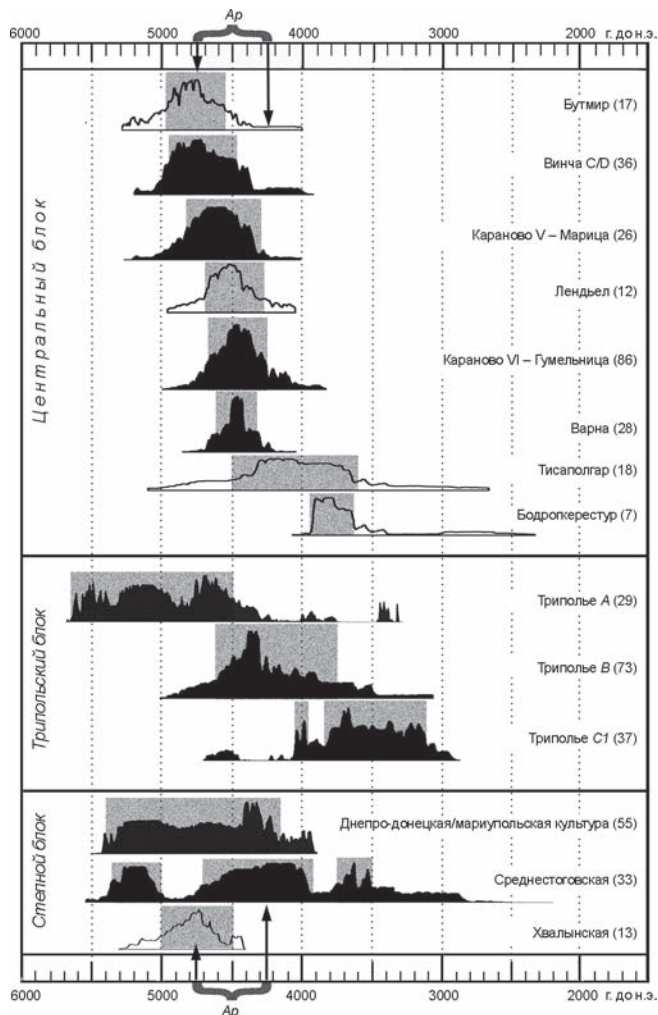

Рис. 3. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для культур и общностей, входивших в систему Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Серым выделены хронологические диапазоны с вероятностью 68,2% (1σ); черные фигуры полигонов относятся к совокупностям, где количество дат > 25. *Ap* – апогей активности производительных центров центрального блока БКМП. Цифры в скобках – количество дат.

размытую, как бы «смазанную» картину ориентиров, утопающих в огромной массе накопленного ныне археологического материала. При изучении культур «степного пояса» Евразии мы постоянно сталкиваемся с ярким проявлением т.н. синдрома культурной непрерывности, столь характерного для большинства из них [Черных, 2007а, с. 35–36]*. В отношении данного блока, мне кажется, наиболее резонна ориентация преимущественно на три археологические общности – днепро-донецкую, среднестоговскую и хвалынскую (рис. 2). В литературе нередко встреча-

*Впрочем, этот «синдром» в меньшей степени присущ, к примеру, культурам лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири.

ется поразительное разнообразие их названий*. Так, некие группы могильников или селищ днепро-донецкой общности могут именоваться «памятниками неолитическими», или «памятниками новоданиловского типа», или «культурой типа Мариупольского некрополя» и т.д.

Металлообработка в рамках третьего блока на фоне основных типов металлургического и металлообрабатывающего производства в центрах обоих западных блоков отличалась весьма примитивным характером [Рындина, 1998, с. 151–179]. Она, в сущности, слабо отвечала генеральным морфолого-технологическим стандартам Балкано-Карпатской провинции. Здесь никогда не производили того великолепного металлического оружия, которым славился центральный блок. Основанием для включения степных очагов металлообработки в рамки БКМП служит только наличие меди, полученной степняками из очагов центральной зоны [Černych, 1991].

Проблемы абсолютной датировки культур и общностей всех трех блоков решались путем привлечения 470 калиброванных радиоуглеродных дат с опорой на вычисление сумм их вероятностей для каждой совокупности (рис. 3). В реальности общее количество известных в настоящее время дат существенно больше (к тому же последние связаны в основном с памятниками главного блока культур Балкано-Карпатской провинции). Однако для настоящей работы я счел возможным ограничиться указанным числом. Резон такого лимита подкрепляется тем, что почти половина обработанных здесь хронологических определений (230) сопряжена с памятниками центрального блока провинции. Кроме того, весьма существенным является установление календарного диапазона апогея активности горно-металлургического производства в основных центрах БКМП. Этот важный для нас период – между II-VIII и III вв. до н.э. Дат для памятников иных блоков заметно меньше: 139 – для трех основных культур трипольской общности, 101 – для степных сообществ.

*Диспуты, отражающие разногласия подобного рода, встречаются во множестве книг и статей (см., например: [Археология Украинской ССР, 1985, с. 204–205, 305–320; Telegin, 1991; Telegin et al., 2000; Котова, 2002, с. 5–11; и др.]). Пожалуй, наиболее любопытную и максимально полную сводку материалов из некрополей V–IV тыс. до н.э. Северного Причерноморья предложил Ю.Я. Рассамкин [Rassamakin, 2004]. На основании анализа почти 1 000 погребений он выделил четыре группы захоронений (или традиций как раз прекрасно подтверждают тот труднопреодолимый «синдром культурной непрерывности», который столь характерен для блока степных сообществ.

Графики распределения сумм вероятностей калиброванных радиоуглеродных дат во всех трех блоках демонстрируют весьма разнообразную картину (рис. 3). Практически все частотные полигоны сумм вероятностей центрального блока отличаются выразительной компактностью и очень близки к нормальному распределению. В сравнении с ними при анализе дат трипольской общности не может не броситься в глаза расплывчатый характер фигур распределения, что отразилось на чрезвычайно растянутых диапазонах их 68%-й вероятности. Вполне очевидным предстает четкое различие указанных диапазонов для основных этапов (культур) трипольской общности – *A*, *B* и *CI*. Весьма любопытно к тому же, что время существования памятников триполья *A* в основном приходится на «дометаллический» или же, по существу, еще неолитический период. Этап *B* во многом совпадает с апогеем активности производящих центров БКМП, хотя преимущественно с его поздними столетиями. Триполье *CI* уже целиком выходит за грани упомянутого диапазона, и это соответствует периоду угасания древнейшей в Евразии металлургической провинции (к синхронизации комплексов *CI* с началом функционирования Циркумпонтийской провинции обратимся в следующем разделе статьи).

Частотные полигоны сумм вероятностей калиброванных дат для блока степных культур также существенно отличаются от прочих. Здесь доминирует во многом хаотический характер распределения, что в предельной степени выражено у среднестоговской культуры. У хвалынской частотный полигон сумм вероятностей существенно более компактный. Однако мы располагаем здесь всего 13 надежными датами, полученными для погребений двух наиболее восточных могильников степного блока.

Второй этап формирования «степного пояса»: Циркумпонтийская металлургическая провинция

На рубеже V и IV, а также в начале IV тыс. до н.э. происходила драматическая ломка устоявшихся культурно-экономических систем медного века. Центральным событием эпохи стали распад Балкано-Карпатской металлургической провинции и параллельное этому процессу формирование новой гигантской Циркумпонтийской (ЦМП), ознаменовавшей начало раннего бронзового века. Территория этой провинции в несколько раз превосходила ту, что занимала Балкано-Карпатская; она составляла 4,5–5 млн км². Система горно-металлургических и металлообрабатывающих центров ЦМП раскинулась с запада на восток от Адриатики до Южного Урала, с

юга на север – от Леванта, Месопотамии и Сузианы до лесных областей Верхнего Поволжья.

Накопление больших серий радиоуглеродных дат, их систематизация и статистическая обработка привели к необходимости внести существенные коррективы в прежние представления о характере сложения этой ключевой для всего Евразийского континента металлургической провинции. Здесь публикуются результаты системной обработки 833 калиброванных радиоуглеродных дат для многочисленных общностей, культур и отдельных памятников*. Ныне в длительной истории как сложения, так и функционирования огромной системы ЦМП представляется резонным выделять две важнейшие хронологические фазы. При этом суть и значение каждой из них будет заметно отличаться от того, что вкладывалось мной в их понимание ранее. Первая фаза – это, в сущности, стартовый этап, который предпочитают именовать «прото-ЦМП». Происходит как бы возврат к тому термину, что был введен еще в первой работе о приложении радиоуглеродной хронологии к производительным центрам Балкано-Карпатской и Циркумпонтийской провинций [Черных, Авилова, Орловская, 2000, с. 14–18, 37–38]. Хронологический диапазон ранней фазы вмещал в себя фактически все IV тыс. до н.э. Префикс «прото-» означает, что ареал производящих очагов провинции на этом этапе не включал в себя всех «циркумпонтийских» областей (рис. 4). Север Балканского п-ова, наряду с Карпатским бассейном (Подунавьем), а также степная и лесостепная зоны Северного Причерноморья продолжали оставаться в границах угасающей БКМП. Вторая фаза являла собой уже истинную Циркумпонтийскую провинцию: ее производящие центры полностью «взяли в кольцо» бассейн Черного моря. Распад БКМП к тому времени завершился, и ее прежние пространства оказались в зоне влияния металлургических и металлообрабатывающих очагов, где уже полностью доминировали морфолого-технологические стандарты ЦМП. Хронологический диапазон второй фазы совпадал целиком с III тыс. до н.э.

Для всей гигантской провинции на всем протяжении ее существования характерен ряд весьма примечательных особенностей. Первая и, возможно, наиболее существенная из них – вполне очевидное следование в основных производительных центрах новым технологическим стандартам, резко отличным от тех, что служили главным признаком распадающейся системы БКМП. Появились ведущие категории и формы орудий и оружия, началось широкое применение

*Естественно, что мной отобраны лишь самые необходимые для настоящей статьи серии дат. В реальности радиоуглеродных дат для всей системы ЦМП существенно больше.

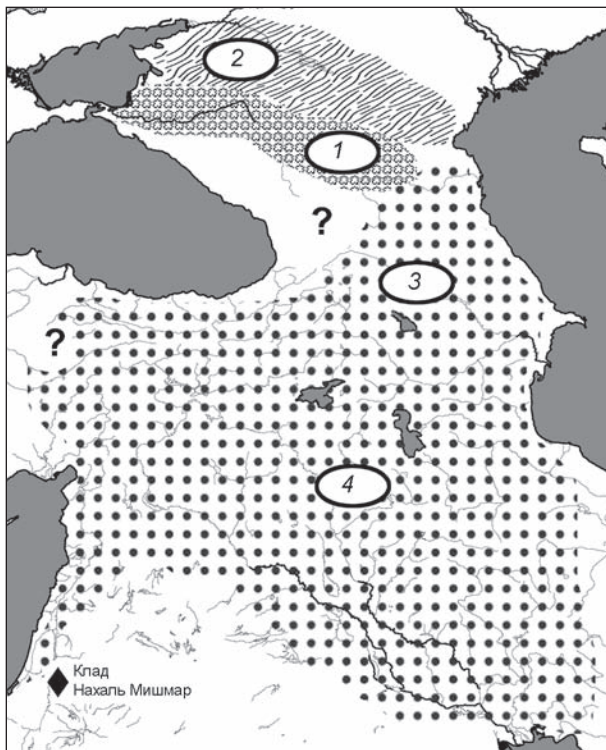

Рис. 4. Ареал Циркумпонтийской провинции на ранней фазе ее сложения (прото-ЦМП).

1 – собственно майкопская культура; 2 – памятники т.н. майкопского типа («степной майкоп»); 3 – куро-араксинская культура; 4 – поздние (северные) памятники урукской общности.

искусственных медно-мышьяковых сплавов (мышьяковых бронз). Выработанные в очагах ЦМП новые методы и приемы выплавки металла, а также его обработки послужили основой для зарождения глобальной т.н. западно-евразийской модели металлургического производства. Позднее – уже к началу II тыс. до н.э. – отличия этой модели от центрально- и восточно-азиатской будут проявляться весьма ярко. Другой важнейшей особенностью стала отчетливо выраженная структура обширного циркумпонтийского мира. Уже с первых шагов развития всей системы на этих пространствах исключительно ярко проявили себя два контрастных блока археологических культур: южный – оседло-земледельческие, северный – степные курганные. Наконец, третья особенность заключается в том, что степной мир начал играть чрезвычайно важную роль, совершенно иную, чем в рамках Балкано-Карпатской провинции. Канул в прошлое отчетливо выраженный маргинальный характер степных скотоводческих культур медного века по отношению не только к центральному, но даже к блоку трипольских сообществ БКМП.

Первая фаза ЦМП: майкопский феномен.

В связи с такого рода переменами на первый план при

сложении ЦМП выдвигается, безусловно, знаменитая майкопская культура. Ее феноменальные, а кое в чем и явно парадоксальные черты отчетливо выявляются в ряде аспектов. Металл из уже почти столетие хрестоматийно известных подкурганных погребений этой культуры, без сомнения, служит их первым и важнейшим признаком [Мунчаев, 1975, с. 211–335; Rezepkin, 2000]. По качественным и количественным характеристикам бронзовых, золотых и серебряных изделий, как представляется, мы не найдем равных майкопским «царским» комплексам во всем весьма протяженном ряду раннебронзовых культур и отдельных памятников Переднего Востока [Черных и др., 2002, с. 5–15, рис. 3] в рамках намеченной здесь первой фазы ЦМП. Все попытки увидеть в великолепии этих комплексов своеобразный местный отклик на решающий ближневосточный импульс упираются в трудноодолимый барьер отсутствия в южной зоне провинции не только превосходящего, но даже, пожалуй, равноценного майкопскому металлу.

Относясь к зарождавшемуся кругу скотоводческих курганных культур северной зоны ЦМП, майкопские надмогильные сооружения по своей сложности и масштабам выглядят, без сомнения, наиболее впечатляющими на фоне курганов прочих степных общностей Восточной Европы. Тем более что, во-первых, в обширной череде курганных культур майкопская занимала пограничный подгорный район, как бы «упиравшийся» в Большой Кавказ, за хребтами которого располагался ареал культур иной зоны ЦМП, столь несходных с курганными (рис. 4). Во-вторых, она была существенно древнее других курганных культур.

При дальнейшем анализе мы начинаем погружаться уже в сферу парадоксальных аспектов майкопского феномена. Так, совершенно невозможно, к примеру, пройти мимо резкого контраста между великолепием курганных захоронений и весьма скромным (если не сказать – порой убогим) характером поселений, связываемых с этой общностью. Даже самый примечательный в серии известных памятников данной категории – поселок Мешоко в Закубанье – с его каменной оборонительной стеной [Формозов, 1965, с. 70–105] вряд ли может быть поставлен в один иерархический ряд со знаменитыми курганами. Еще один парадокс: за весь более чем столетний период изучения древностей этого типа ни в погребальных, ни в бытовых комплексах майкопской культуры исследователи не обнаружили ни одного безупречного свидетельства занятия ее носителями горно-металлургическим производством, металлургией или хотя бы металлообработкой. Данный факт должен особенно впечатлять на фоне изумительных коллекций разнохарактерного металла из подкурганных захоронений.

В данной статье необходимо сосредоточить внимание еще на одной удивительной особенности майкоп-

ских древностей. Радиоуглеродные даты диктуют нам значительно более древний хронологический диапазон существования майкопской культуры, нежели тот, что предполагался ранее при рутинных сопоставлениях категорий и типов артефактов [Черных, Орловская, 2007]. Собственно майкопские комплексы при 68%-й вероятности обработанных 37 дат отвечают хронологическому отрезку 4050–3050 гг. до н.э. (рис. 5). Крайне важно и то, что степные памятники т.н. майкопского типа («степной майкоп»)*, с 19 датами укладываются практически в тот же временной диапазон – 4000–3000 гг. до н.э. (рис. 5). Вызывает удивление следующий факт: календарный возраст майкопской культуры оказывается заметно или даже существенно древнее по сравнению со многими общностями, культурами, а также отдельными широко известными селищами (теллями) раннебронзового века, слагающими южный блок ЦМП (рис. 5). Лишь памятники периода знаменитой урукской северной экспансии в своей большей части синхронны майкопским комплексам. При этом напомним, что сами памятники урукского типа чрезвычайно бедны металлом. Кроме того, при сопоставлении с майкопской хронологией в целом заметны календарные сдвиги в сторону более молодого возраста памятников куро-аракской культуры (рис. 5). Парадоксальность ситуации заключается прежде всего в том, что майкопская культура по отношению к урукской и куро-аракской всегда считалась как бы вторичной, по крайней мере, в сфере металлургии и металлообработки. По всей вероятности, эта кратко сформулированная здесь проблема потребует намного более детальной проработки**.

Сходную картину наблюдаем и при сопоставлении майкопской общности с блоком степных восточно-европейских культур и общностей (рис. 6): она оказывается древнее. Это лишним раз подчеркивает

*Под «степным майкопом» понимаются курганные погребальные комплексы, расположенные в основном в степной зоне к северу от бассейнов Кубани и Терека, между Азовским и Каспийским морями, т.е. уже за пределами ареала «коренной» майкопской культуры (см. рис. 4). В инвентаре этих комплексов присутствуют достаточно характерные предметы майкопского облика (преимущественно керамика).

**В рамках некоторого пояснения данной проблемы замечу, что в южной зоне почти невозможно найти что-нибудь равнозначное набору металлических изделий майкопской культуры. Определенное исключение составляет резко аномальный по набору металлических предметов и датам клад Нахаль Мишмар (см. рис. 4) из Палестины [Bar-Adon, 1971]. Однако все 13 известных мне радиоуглеродных определений, связанных с сопровождавшей клад различного вида органикой, выявили труднообъяснимый и весьма впечатляющий разброс значений: от 5000 до 3500 г. до н.э. – и это при 68%-й вероятности!

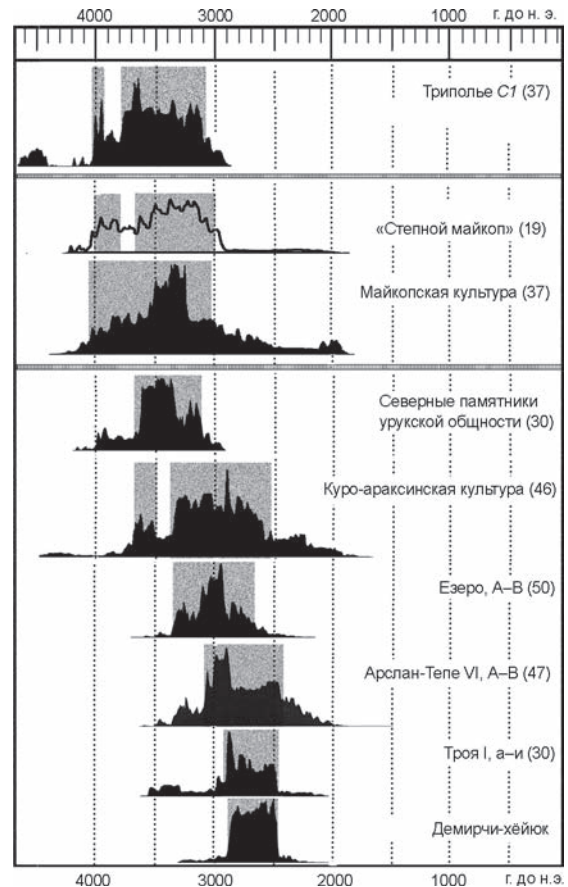

Рис. 5. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для общностей, культур и отдельных поселений (теллей), входивших в систему Циркумпонтийской металлургической провинции, в сопоставлении с данными по финальной культуре БКМП.

Усл. обозн. см. рис. 3.

непривычную аномалию возраста майкопских больших курганов, могилы которых были поистине насыщены разнообразным металлическим инвентарем – золотым, серебряным, бронзовым.

И в завершение данного раздела необходимо обратить особое внимание на фактическую синхронность хронологических диапазонов майкопских древностей зарождавшейся Циркумпонтийской провинции и памятников триполья *С1* (см. рис. 5) угасавшей Балкано-Карпатской провинции. Майкопская культура и триполье *С1* располагались на разных территориях, и между ними невозможно заметить также сколько-нибудь явных контактов.

Вторая фаза ЦМП: степные курганные культуры. Среди курганных культур, очаги металлургии и металлообработки которых в определенном смысле были наследниками майкопских стандартов, пристальное внимание исследователей обыкновенно привлекают две крупные археологические общнос-

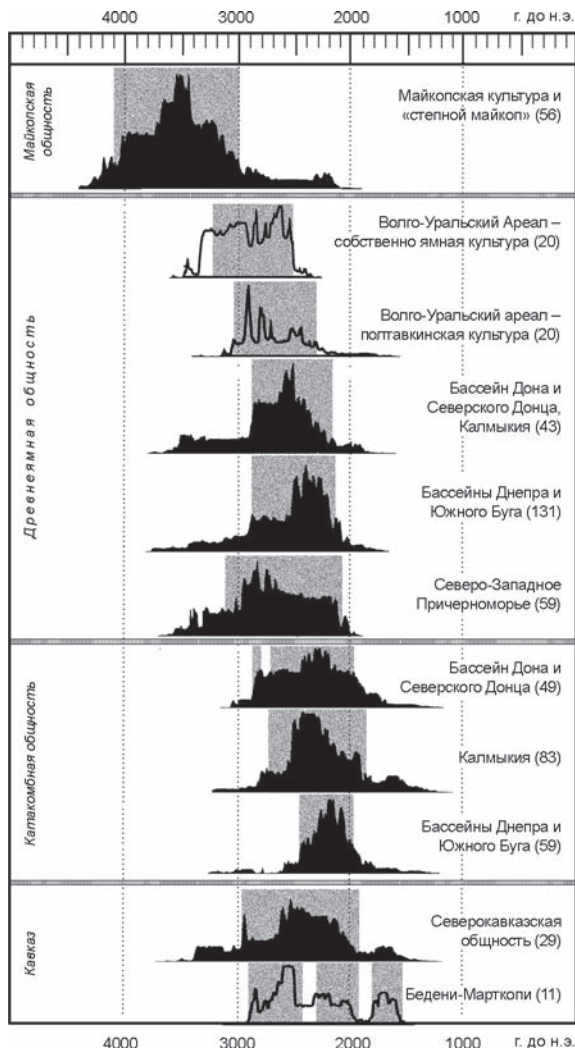

Рис. 6. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для скотоводческих общностей и культур, составивших по преимуществу северный блок Циркумпонтийской металлургической провинции, в сопоставлении с данными по майкопской общности БКМП.

Усл. обозн. см. рис. 3.

ти: древняя (ямная) и катакомбная. Первая из них представлена, по существу, лишь материалами погребений (поселения исключительно редки). В рамках второй селища более известны, хотя и в этом случае определенно доминирует инвентарь из погребальных комплексов. Большинство исследователей по традиции считали (и считают поныне!), что катакомбная общность среднебронзового века в степной и лесостепной зонах Восточной Европы сменяет древнюю, относящуюся к эпохе ранней бронзы. Однако в последнее время гораздо чаще стали обращать внимание на весомые свидетельства синхронного существования этих комплексов на протяженном отрезке времени. Радиоуглеродная хронология решительно укрепляет данную точку зрения.

Сравнительный анализ сумм вероятностей дат для разных регионов распространения памятников обеих общностей показывает, что если календарные различия и имели место, то вряд ли можно оценивать их как значительные. Данное заключение базируется на весьма представительных сериях радиоуглеродных дат: 273 – для древнеямных комплексов, 191 – для катакомбных. Их сопоставление приводит к выводу, что, согласно 68%-й вероятности, имел место длительный период сосуществования в рамках XXVII–XXI вв. до н.э. (см. рис. 6).

Начало сложения древнеямной общности относится к самому концу IV или же первым столетиям III тыс. до н.э. При этом весьма любопытно, что наиболее ранние даты (XXXIII–XXXI вв. до н.э.) соотносятся прежде всего с памятниками географически периферийных районов ее ареала – восточного и западного. Имеются в виду Волго-Уральский ареал (включая и памятники полтавкинского типа) и Северо-Западное Причерноморье (рис. 7). Самые ранние даты (XXVIII в. до н.э.) для памятников центральной зоны – из бассейнов Днепра, Южного Буга, Дона и Северского Донца, а также Калмыкии – на три-четыре столетия моложе.

Рис. 7. Территория древнеямной археологической общности (вторая фаза ЦМП) и ее предполагаемые связи с Алтайским регионом (афанасьевская культура).

Территориальные варианты древнеямной общности: 1 – волго-уральский (собственно ямная культура); 2 – волго-уральский (полтавкинская культура); 3 – Калмыкия, бассейн Дона и Северского Донца; 4 – бассейны Днепра и Южного Буга; 5 – Северо-Западное Причерноморье.

Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для трех основных ареалов катакомбной общности демонстрируют несколько иную картину. Здесь сравнительно небольшое опережение отмечается для комплексов центральной географической группы, локализованных в бассейне Дона и Северского Донца (см. рис. 6, 8). Самые ранние даты для памятников периферийных регионов – Калмыкии и особенно бассейнов Днепра и Южного Буга – приходятся на более позднее время. В целом же в сопоставлении с хронологией древнейших культур нижняя граница календарного диапазона катакомбной общности на два-три столетия уступает первой. Финал последней также на два-три столетия необходимо сдвинуть в сторону более позднего времени: при 68%-й вероятности это XX–XIX вв. до н.э.

Приходится признать, что радиоуглеродная хронология довольно безжалостно разбивает наши прежние представления о календарной позиции основных восточно-европейских степных общностей. Кроме того, корректирует картину их соотношения с северокавказской археологической общностью, равно как и с закавказской наследницей майкопской – курганной культурой типа Бедени-Марткопи [Джапаридзе, 1998]. Графики распределения сумм вероятностей дат указывают на принципиальную одновременность этих комплексов с более северными материалами, относящимися к кругу древнейшей и катакомбной общностей.

Итак, примерно в течение 600 лет на весьма обширной (не менее 0,7 млн км²) территории юга Восточной Европы сосуществовали культуры двух огромных археологических общностей – ямной и катакомбной. Первоначально – начиная с классических работ В.А. Городцова – считалось, что катакомбные более поздние, и обосновывалось это некоторыми стратиграфическими позициями погребений в катакомбах. При последующих исследованиях в качестве едва ли не основного признака, позволявшего декларировать такую хронологическую последовательность культур, стал уровень развития металлообработки. У популяций катакомбной общности он выглядел более развитым и совершенным [Chernykh, 1992, p. 83–91, 124–132]. На базе аналогичных посылок были датированы относительно более поздним временем и памятники полтавкинского типа, распространенные в Волго-Уральском регионе [Ibid, p.132–133].

Накопление радиоуглеродных дат и их системная обработка привели к результатам, противоречащим нашим прежним представлениям не только об абсолютном календарном диапазоне анализируемых здесь материалов, но также и об их хронологической позиции относительно друг друга. В этой связи, однако, гораздо более существенными оказываются другие последствия. Считалось бесспорным, что более совершенные с позиции формы и технологии из-

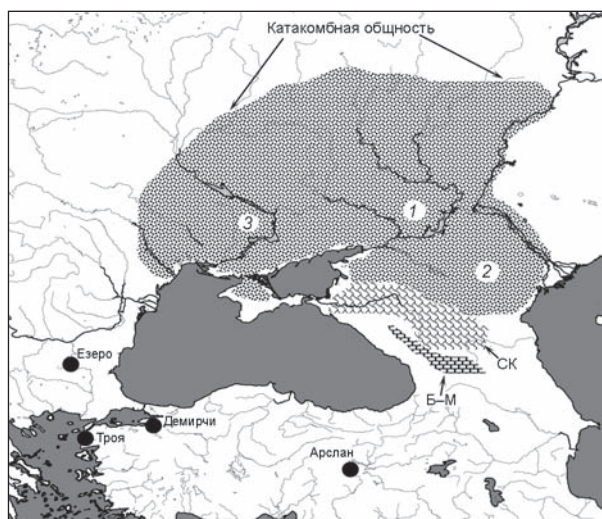

Рис. 8. Территория катакомбной археологической общности (вторая фаза ЦМП), а также ареалы иных синхронных культур и памятники в пределах Циркумпонтийской провинции.

Катакомбная общность: 1 – бассейн Дона и Северского Донца; 2 – Калмыкия; 3 – бассейны Днепра и Южного Буга. СК – северокавказская археологическая общность; Б-М – курганная культура типа Бедени-Марткопи.

делия обязательно должны относиться к более позднему времени. Судя по полученным данным, это не может быть принято ныне в качестве аксиомы. Более совершенные формы металлообработки и технологии могут сосуществовать не только со сравнительно отсталыми, но даже с примитивными. Этому есть масса подтверждений исторической действительности евразийских народов*.

Заслуживает внимания еще одно существенное различие ямной и катакомбной общностей. На рис. 7 и 8 хорошо видно, что территория распространения памятников родственной совокупности ямных культур значительно больше. При этом в качестве главного признака следует указать на гигантскую широтную протяженность: от Паннонии вплоть до Южного Зауралья, т.е. не менее 3 000 км. Катакомбная общность размещалась на гораздо более компактном пространстве – от Днестра до Среднего и Нижнего Поволжья. Протяженность ее ареала с запада на восток не превышала 1 200–1 400 км. Кроме того, исключительно важно, что воздействие ямной общности ощущалось поразительно далеко в восточном направлении – вплоть до Алтая (см. рис. 7). Там в среде афанасьевской культуры зарождалась металлургия обширной Саяно-Ал-

*Эта, затронутая здесь очень кратко, тема не может быть подробно обсуждена в рамках данной статьи. Она требует, конечно же, существенно более развернутых обоснований и системных исследований.

тайской горной области, которой предстояло сыграть во II тыс. до н.э. выдающуюся роль в формировании металлопроизводства позднебронзовых сообществ «степного пояса» и восточно-евразийской модели металлургии в целом.

Древнеямную общность от катакомбной отличает также эксплуатация «собственных» источников меди. Археологические изыскания на знаменитом Каргалинском рудном поле, расположенном на степной южно-уральской периферии ареала этой общности, предоставили исключительно яркие свидетельства горно-металлургического производства, связанного с ямной и полтавкинской культурами, локализованными в северо-восточной зоне Циркумпонтийской провинции [Каргалы, 2002, с. 128–139; 2005, с. 29–35; Черных, 2007а, с. 57–70].

Группа катакомбных культур оказалась гораздо более тесно связанной с Северным Причерноморьем, и особенно с кавказской металлургией. Как уже отмечалось выше, согласно радиоуглеродной хронологии, закат этой общности был на два-три столетия позднее древнеямной. Отсюда вытекает очень важное заключение: финал существования Циркумпонтийской провинции ознаменовался тем, что ее восточная граница как бы «откатилась» назад – в западном направлении, вплоть до Волги (см. рис. 8).

Третий этап формирования «степного пояса»: Евразийская металлургическая провинция

Третий этап формирования «степного пояса» совпал с наступлением позднего бронзового века. Данный период был ключевым в истории множества евразийских народов: тогда сложилась та структура евразийского мира, которая определила его основные черты, сохранявшиеся в принципиальных аспектах вплоть до Нового времени или же до эпохи Великих географических открытий. Территориальный охват культур палеометалла на пространствах Евразии и северной, прилегающей к Средиземному морю, периферии Африки вырос до своего максимума в 40–43 млн км². Максимального значения достигла также площадь «домена» археологических культур и общностей «степного пояса» (8 млн км²), о чем уже шла речь в начале статьи (см. рис. 1). Одно из самых важных событий этого переломного периода – распад Циркумпонтийской провинции и зарождение на ее «руинах» ряда новых образований подобного рода. ЦМП, в принципе, явилась своеобразным «прародителем» западно-евразийской модели горно-металлургического производства. Позднебронзовую эпоху ознаменовало зарождение иной модели этого производства – уже восточно-евразийской.

После распада ЦМП ее северо-восточная (восточно-европейская) зона послужила базой для формирования огромной Евразийской металлургической провинции (ЕАМП). Этот блок родственных производительных центров кроме Восточной Европы охватил гигантские пространства степной и лесной зон Северо-Западной Азии, а также большинство регионов Средней Азии вплоть до Каракумов, предгорий Памиро-Тяньшаня и даже Сынцзяна [Черных, 2007а, с. 37–109]. Максимум территориального охвата ЕАМП достигал 7,5 и даже 8 млн км². Ее хронологический диапазон равнялся примерно тысяче лет – с последних столетий III до конца II тыс. до н.э. В сравнении с иными провинциями производственные очаги ЕАМП, пожалуй, в наибольшей мере сохранили приверженность основным морфолого-технологическим стандартам распавшейся ЦМП, хотя последние и подверглись в ходе развития существенной модификации.

С Евразийской металлургической провинцией и с резко отличной от нее, также гигантской, Восточно-Азиатской оказался сопряжен финал формирования территориальных контуров «степного пояса». В настоящее время несравненно детальнее разработаны многие сферы ЕАМП, в то время как Восточно-Азиатская металлургическая провинция (ВАМП), к глубокому сожалению, остается для нас достаточно туманной.

В рамках «степного домена», связанного с границами ЕАМП, происходили существенные перемены в стратегии жизнеобеспечения и стиля хозяйствования скотоводов бронзового века. Так, уже с рубежа III и II тыс. до н.э. оседлый образ жизни начал решительно вытеснять кочевой и полукочевой. Однако, как показывают специальные археозоологические изыскания, подвижный характер животноводства сохранился [Антипина, Моралес, 2005, с. 41–42]. Во всяком случае, для указанного времени археологи фиксируют на этих обширнейших пространствах следы многих тысяч больших и малых поселков скотоводов; земледелие же по-прежнему оставалось за рамками интересов их обитателей. Не менее многочисленны также некрополи культур «степного пояса». Однако курганные захоронения постепенно начали уступать свое место грунтовым могильникам. К концу II тыс. до н.э. вновь возобладали прежние – привычные для носителей более ранних скотоводческих культур – формы кочевой и полукочевой жизни. Последние, как известно, начали полностью доминировать в скифо-сарматском мире, сменившем в начале I тыс. до н.э. общности позднебронзового века. Тогда же возобновилась как бы совершенно забытая традиция некрополей с огромными «царскими» – насыщенными драгоценным инвентарем – курганами.

С наступлением позднебронзового века и формированием Евразийской провинции отмечаются открытие и начало разработок огромного числа медно-

и оловянных месторождений, рассеянных прежде всего в азиатской части провинции (от Восточного Урала через Казахстан до Рудного Алтая). Началось широкое производство оловянных бронз. С этого времени население зоны ЕАМП полностью обеспечивало свои потребности в металле. Пресекались связи с центрами кавказской металлургии, игравшей столь значительную, а порой даже решающую, роль в предшествующие исторические периоды, когда господствовали стандарты ЦМП.

Первая фаза ЕАМП: встречные «волны» культур. В истории провинции различаются три достаточно определенные фазы. Для первой (сложение ЕАМП) самыми существенными, пожалуй даже важнейшими, явлениями стали две встречные и чрезвычайно стремительные волны продвижения популяций по пространствам Северной Евразии. Каждый из встречных потоков отличался весьма выразительным проявлением существа своей культуры.

Первая волна накатывалась с запада на восток. В ходе быстрого передвижения протекал процесс сложения крупной археологической общности – абашево-синташтинской. Ее основу составляли две широко известные культуры – абашевская и синташтинская, однако, по всей вероятности, к ним резонно присоединить и петровскую, самую восточную из названных. Совокупный ареал трех культур в конечном итоге превысил 1 млн км². Он растянулся вытянутым языком от бассейна верхнего Дона и лесного Поволжья вплоть до степей и лесостепей Западной Сибири (рис. 9). При анализе этих культур выпукло проявился тот «синдром культурной непрерыв-

ности», о котором уже шла речь выше. К примеру, с трудом можно дифференцировать материалы памятников абашевской и синташтинской культур, а также синташтинской и петровской. Металлические изделия этих культур являют собой модификацию ряда наиболее важных категорий инвентаря распавшейся Циркумпонтийской провинции.

Вторая волна, устремленная с востока на запад, была сопряжена, пожалуй, с одним из наиболее поразительных явлений в древнейшей истории евразийских народов. Данный транскультурный феномен получил широко распространенное в литературе наименование сейминско-турбинского благодаря двум весьма известным могильникам – Сейме и Турбину [Черных, Кузьминых, 1989; Chernykh, 1992, р. 215–234]. Своими корнями он обязан целой группе, к сожалению, не вполне ясных, но, по всей вероятности, относительно разнообразных культур степной, горной и даже таежной зон обширной Саяно-Алтайской горной области, а также иных регионов, прилегающих к ней по преимуществу с юга и запада. Неповторимость облика сейминско-турбинских древностей становится очевидной при анализе ряда ключевых аспектов их проявления.

Во-первых, выяснилась абсолютная внезапность появления чрезвычайно развитых форм металлического оружия. Не подлежит сомнению, что бронзовое сейминско-турбинское оружие и технология его отливки совершенно отличались от того, с чем мы сталкивались на западе, в рамках ЦМП, и, в частности, с тем, что несли с собой на восток популяции абашево-синташтинской общности. Во-вторых, сеймин-

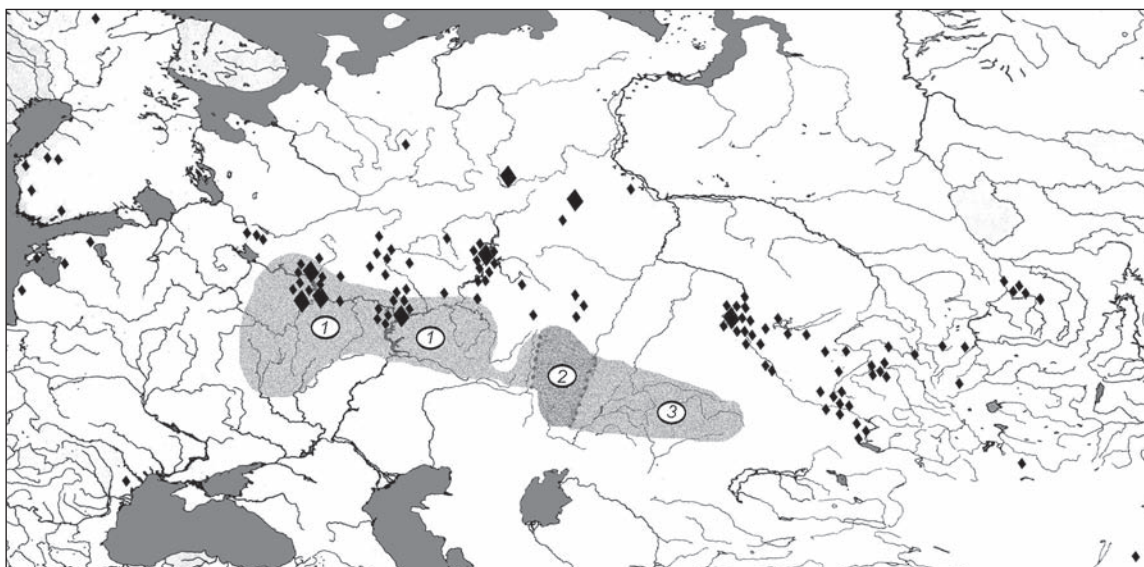

Рис. 9. Распространение памятников сейминско-турбинского типа (обозначены ромбиками), а также абашево-синташтинской общности в фазе сложения Евразийской металлургической провинции.

1 – абашевская культура; 2 – синташтинская; 3 – петровская.

ско-турбинские древности сопряжены с памятниками совершенно иного типа по сравнению с абашево-синташтинскими и петровскими. Поселения неизвестны вовсе; археологи имеют дело по преимуществу с грунтовыми могильниками. В некрополях доминируют кенотафы, где сами могилы бывают обозначены лишь наборами металлических изделий, а также каменным и кремневым инвентарем. Человеческие останки в сейминско-турбинских погребениях сравнительно редки, равно как и керамическая посуда. Весьма значительная часть металлических предметов представлена единичными случайными находками, которые, возможно, являются также следами разрушенных могил. В-третьих, нетрудно реконструировать чрезвычайно стремительное продвижение сейминско-турбинских воинских групп от ареала их консолидации на запад. Самые богатые «кусты» находок сосредоточены в пределах лесной зоны Восточной Европы,

в бассейнах верхней Волги и Камы (рис. 9). Однако отдельные изделия сейминско-турбинского типа известны вплоть до Прибалтики и даже Молдовы (знаменитый Бородинский клад). Расстояние по прямой линии между крайними точками обнаружения металлических изделий – от Центрального Китая до Фенно-Скандии – превышает 6 000 км!*

Обе волны – западная и восточная – демонстрируют нам встречные курсы своих устремлений. При этом очевидно, что продвигались они как бы параллельно. Абашево-синташтинские памятники распространены преимущественно по лесостепным регионам и крайнему югу лесной зоны (прежде всего в Восточной Европе); за Уралом – в более южных районах. Сейминско-турбинские древности свидетельствуют о том, что группы с запада предпочитали либо были вынуждены двигаться по лесной зоне. Тем не менее между двумя волнами-потоками отчетливо замечаются определенные контакты, правда, довольно специфические. На площади ряда могильников явно сейминско-турбинского типа при анализе инвентаря нетрудно вычленил – благодаря резко контрастному характеру сталкивавшихся культурных потоков – абашевские или же абашево-синташтинские захоронения. Последние, как правило, сопровождалась абашевским оружием, а порой даже керамикой. Весьма любопытно также, что погребения инкорпорантов в выявленных случаях подчиняются уже канонам сейминско-турбинского ритуала, т.е. останки людей в могилах почти всегда отсутствовали. Важность этого наблюдения становится очевидной при установлении не только относительной, но и абсолютной хронологии. Весьма примечательно, что по материалам абашево-синташтинских некрополей подобного взаимодействия проследить не удалось.

Календарный возраст абашево-синташтинской общности обосновывается анализом 75 радиоуглеродных дат (рис. 10). Распределение их числа по трем культурам объединения неоднозначно: синташтин-

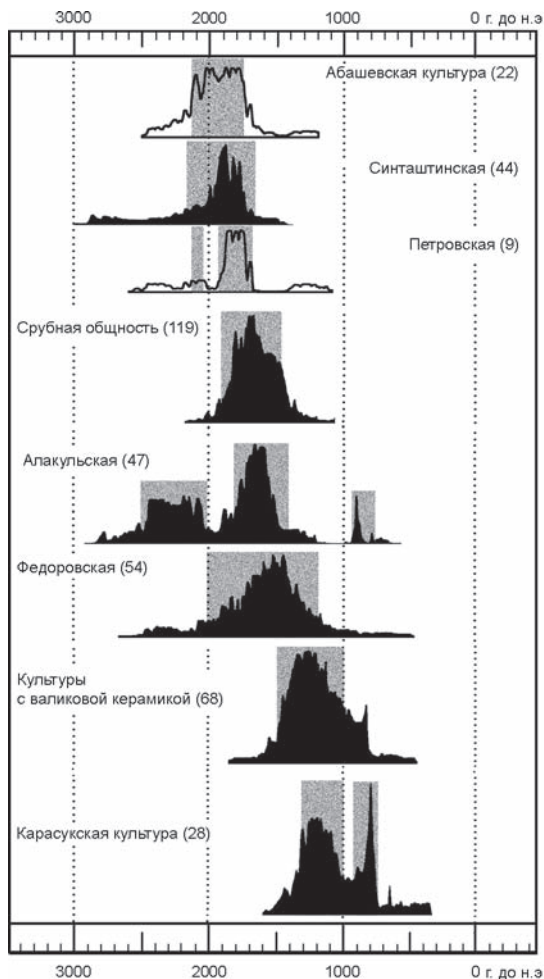

Рис. 10. Суммы вероятностей радиоуглеродных дат для скотоводческих общностей и культур, входивших в систему Евразийской, а также Восточно-Азиатской (карасукская культура) металлургических провинций.

*Западным соседом ЕАМП являлась Европейская металлургическая провинция. Различия между этими системами весьма впечатляют, но ограничусь лишь парой сюжетов. Так, 80–90 % неисчислимых коллекций металлических изделий из Европейской провинции происходят из кладов, а в пределах ЕАМП таких кладов очень мало. Кроме того, к примеру, все учтенные металлические предметы, относящиеся к сейминско-турбинскому транскультурному феномену, охватывавшему пространство в несколько миллионов квадратных километров, характеризуются ныне числом 583. Только один из крупнейших, а по-видимому, даже самый крупный в Европейской провинции клад Уиора де Сус (Трансильвания) [Petrescu-Dîmbovița, 1977, s. 114–117, 280–310] содержал более 5 800 (!) предметов (кельты, серпы, наконечники копий, топоры, украшения и т.п.) общим весом более 1 100 кг.

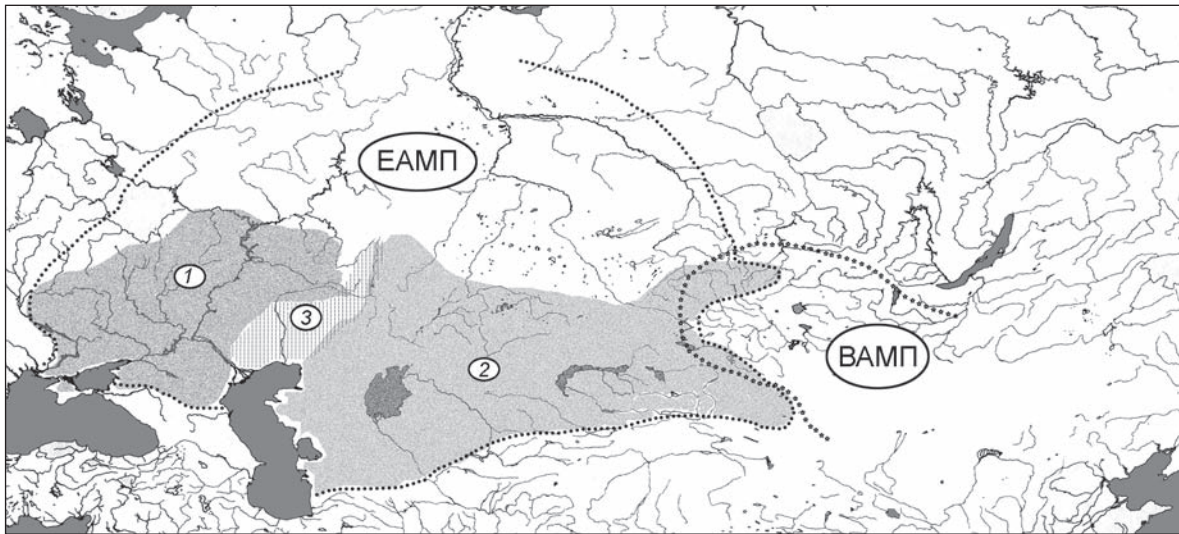

Рис. 11. Распространение основных археологических общностей в фазе стабилизации Евразийской металлургической провинции (ЕАМП), а также контуры северо-западной периферии Восточно-Азиатской металлургической провинции (ВАМП).

1 – срубная общность; 2 – андроновская; 3 – зона взаимопроникновения срубной и андроновской общностей.

ская – 44, абашевская – 22, петровская – только 9. Однако это не повлияло на диапазоны сумм вероятностей дат (68 %); они поразительно точно совпадают друг с другом, размещаясь в достаточно ограниченном промежутке времени – между XXII и XVIII/XVII вв. до н.э. Здесь будет уместно подчеркнуть, что отсутствие сколько-нибудь заметной разницы между хронологическими диапазонами всех трех весьма удаленных друг от друга культур как раз и позволяет уверенно предполагать исключительно быстрое распространение всей абашево-синташтинской общности в восточном направлении.

Ситуация с радиоуглеродными датами для памятников сейминско-турбинского типа несравненно хуже. На сегодняшний день мне известны лишь четыре: одна – для могильника Сатыга, обнаруженного в северной тайге, восточнее невысоких Уральских хребтов, и три – для недавно выявленного и исследованного некрополя Юрьино (Усть-Ветлуга) в Верхнем Поволжье. Все четыре даты не выходят за рамки абашево-синташтинского хронологического диапазона (в связи с малочисленностью их значения в графики на рис. 10 не включены). Следовательно, с достаточной долей уверенности можно датировать сейминско-турбинский феномен также в пределах XXII–XVIII/XVII вв. до н.э.

Вторая фаза ЕАМП: стабилизация системы.

Эта фаза развития ЕАМП характеризовалась стабилизацией культур и общностей «степного пояса» и заметной унификацией важнейших черт их облика. На громадной территории «степного пояса» провинции ныне известны бесчисленные труднодифференциру-

емые из-за малой выразительности поселения. То же следует сказать и о бесконечном числе погребальных памятников, где отсутствует сколько-нибудь выразительная символика социально-иерархической позиции усопшего, столь характерная, скажем, для первой фазы Циркумпонтийской провинции раннебронзового века. Вследствие унификации характера культур очень трудно надежно определить территориальные и хронологические границы той или иной общности. Они зачастую представляются весьма «размытыми».

Среди объединений «степного пояса» чаще всего обращают внимание на две громадные общности – срубную и андроновскую, фактически определявшие лицо всей провинции (рис. 11). «Синдром культурной непрерывности» для этих объединений во второй фазе ЕАМП проявился исключительно ярко. Нетрудно наметить обширные зоны с памятниками смешанного характера; к примеру, таковая прослеживается в степях и полупустынях к северу от Каспийского моря, вплоть до южно-уральской лесостепи (рис. 11). В целом же степень унификации степных культур возросла настолько, что порой археологи предпочитают видеть здесь единую гигантскую срубно-андоновскую общность.

Западная, срубная, общность охватывала преимущественно восточно-европейские пространства площадью от 1,5 до 2 млн км². Восточная, андроновская, представленная двумя основными культурами – алакульской и федоровской, – занимала почти вдвое большую территорию (не менее 3 млн км²). В круг андроновских древностей, по всей вероятности, следует включать также ряд более мелких и локализо-

ванных южнее (среднеазиатских) культур типа кайрак-кумской, тазабагыбской и др. [Chernykh, 1992, p. 192, fig. 67], которые в той или иной мере близки алакульской. На сопредельных территориях к северу, по южной кромке лесной евразийской зоны, были распространены культуры, также сравнительно близкие степным – срубной (поздняковская, приказанская) либо андроновской (черкаскульская и др.). Северные сообщества, как правило, испытывали воздействие степных.

В том предполагаемом противостоянии сейминско-турбинской и абашево-синташтинской встречных волн проникновения контрастных культур первенство осталось за последней. Ярчайший сейминско-турбинский феномен как бы растворился. Выразительные следы его наследия сохранились лишь в таежной зоне Западной Сибири на поселениях типа Самусь-Кижирово [Черных, Кузьминых, 1989, с. 144–162]. Позднее, в третьей фазе ЕАМП его влияние проявится более заметно. Однако на данном этапе исходный западный импульс явно возобладал.

Абсолютная хронология второй фазы строится на базе 222 систематизированных калиброванных радиоуглеродных дат. Большая их часть (119) связана с материалами срубной общности. Фигура распределения сумм вероятностей этой выборки наиболее приемлемая (см. рис. 10). Хронологический диапазон (68%-я вероятность) для срубной общности укладывается в рамки XX–XV вв. до н.э. Характер распределения сумм вероятностей дат для основных культур андроновской общности существенно хуже. Особенно трудно интерпретировать графики, связанные с материалами алакульских памятников. Безусловно, в этом случае требуется ревизия всей совокупности материалов, включенных в базу данных. В сравнении с графиком для срубной общности гораздо более расплывчатым предстает характер распределения сумм вероятностей дат для федоровской культуры. Однако, скорее всего, именно на эти материалы очень сильно влиял «синдром культурной непрерывности».

Третья фаза ЕАМП: распад системы. Во второй половине II тыс. до н.э. на месте срубной и андроновской общностей возникла крайне расплывчатая и аморфная общность культур с т.н. валиковой керамикой. Ее признаком служит налепной валик по венчику или горлу глиняного сосуда. Он встречается на посуде самых разнообразных культур от Северных Балкан и Подунавья до Алтая. Распространение этого декоративного элемента, по всей вероятности, следует связывать с западным импульсом: в Балкано-Карпатском регионе он присутствует на глиняных сосудах постоянно и еще с раннебронзового века.

Памятников (как поселений, так и могильников) третьей фазы, по сравнению со второй, в «степном поясе» ЕАМП известно существенно меньше. Вероятно,

сказался повсеместный переход к мобильным – кочевым и полукочевым – стратегиям жизнеобеспечения. Формы металлургического и металлообрабатывающего производств в значительной мере утратили исходные черты, известные нам по предшествующему периоду [Chernykh, 1992, p. 235–252]. Географические рамки ЕАМП стали весьма размытыми как на западе, так и на востоке. Западное влияние из регионов Северных Балкан, Карпат и бассейна Дуная, где к тому времени сформировались производящие центры могучей и яркой Европейской металлургической провинции, сказывалось особенно сильно [Ibid, p. 252–263]. Об этом свидетельствуют наличие импортных металлических предметов, а также производство изделий по ряду западных образцов, что наблюдалось во второй половине II тыс. до н.э. далеко на востоке – вплоть до нижней и средней Волги (к примеру, яркий клад Сосновая Маза и др.). Граница Евразийской провинции в области Алтая также оказывается в существенной мере неопределенной. Там зафиксировано немалое число однолезвийных ножей, принципиально чуждых стереотипам ЕАМП, но являющихся отчетливым признаком производственных центров Восточно-Азиатской металлургической провинции.

Сравнительно слабая изученность памятников заключительной фазы ЕАМП обусловила незначительное число радиоуглеродных дат – всего 68. Тем не менее диапазон их 68%-й вероятности достаточно уверенно указывает на вторую половину II тыс. до н.э. (см. рис. 10). Этот временной отрезок, по-видимому, и можно принять за близкий к истинному, что следует из сопоставления его с датами для общностей и культур предшествующей фазы.

Четвертый этап формирования «степного пояса»: Восточно-Азиатская металлургическая провинция

Восточно-Азиатская металлургическая провинция зарождается в достаточной мере синхронно Евразийской. Однако в сравнении с последней ее важнейшие черты изучены значительно хуже. В настоящем разделе речь пойдет в основном о северо-западной зоне ВАМП, локализованной преимущественно в пределах Саяно-Алтайской горной области, а также на окружающих ее территориях (см. рис. 11).

Зарождение Восточно-Азиатской металлургической провинции было сопряжено с исключительно ярким транскультурным сейминско-турбинским феноменом. Другой ее этап характеризовался как бы продолжением сейминско-турбинских традиций металлургии и металлообработки. Важнейшие материалы этого этапа представлены по преимущест-

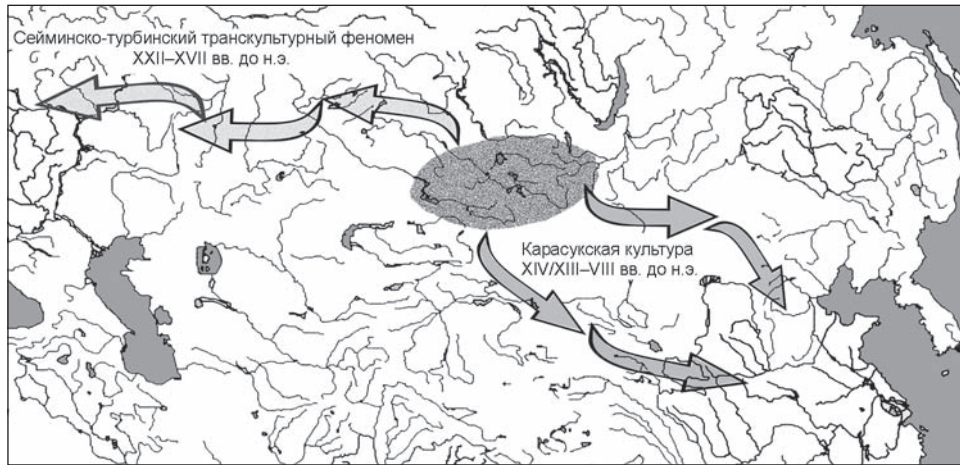

Рис. 12. Основные пути распространения форм металлургического производства сейминско-турбинского и карасукского типов.

ву инвентарем из погребений широко известной карасукской культуры [Членова, 1972; Chernykh, 1992, р. 264–271]*. Многочисленные металлические предметы, найденные на поверхности земли, также происходили из могил, правда разрушенных по большей части в процессе пахоты.

Между ранним, сейминско-турбинским, и более поздним, карасукским, типами металлургии обнаруживается достаточно очевидная взаимосвязь. Однако весьма досадные лакуны в изученных и доступных материалах не позволяют реконструировать динамику развития металлургического производства в Саяно-Алтайском регионе. Как установлено, сейминско-турбинская волна воинственных популяций была вполне определенно устремлена в западном направлении. Ее хронологический диапазон, согласно выявленным контактам этих популяций с абашево-синташтинской общностью, определен в интервале с XXII по XVIII/XVII вв. до н.э. Карасукские комплексы на основании, правда, не очень представительной серии радиоуглеродных определений возраста должны датироваться также в пределах примерно пяти столетий – от последней трети II до первой трети I тыс. до н.э. (см. рис. 10). Трехсотлетний разрыв между сейминско-турбинским и карасукским диапазонами пока что трудно объяснить. Видимо, следует ожидать появления новых материалов.

Еще более показательным стремительное распространение карасукских форм металлических изделий по преимуществу в восточном направлении, диаметрально противоположном сейминско-турбинскому устремлению на запад (рис. 12). Весьма значитель-

ное число подражаний им известно на территории Древнего Китая. В частности, они хорошо представлены в царских комплексах Аньяна, датированных на базе письменных источников по преимуществу XIII–XI вв. до н.э., или периодом поздней династии Шан [The Formation..., 2005, р. 150–176]. Возможно, именно с этого времени началось активное противостояние древнейших китайских цивилизаций и степного мира. Ведь карасукские древности были, безусловно, оставлены кочевыми скотоводами. Поселения же этой культуры практически неизвестны. Карасукские металлические изделия в морфологическом отношении резко отличались от древнекитайских эпохи Шан и Западного Чжоу [Черных, 2007б]. У обитателей Саяно-Алтая на первом плане всегда было оружие: знаменитые карасукские коленчатые однолезвийные ножи с фигурными рукоятями, а также более редкие кинжалы. Северные «степные» (точнее, «таежно-степные») формы, скорее всего подражания им, присутствуют и в богатейших погребальных комплексах Шан, обнаруженных по преимуществу в Царском некрополе Аньяна.

Достаточно очевидно, что прерывистая почти в 3 500 км по прямой линии цепь карасукских или же весьма сходных с карасукскими прототипами находок протянулась далеко на восток: от Саяно-Алтайского региона, через Синьцзян [Mei Jianjun, 2000; 2004], Монголию [Erdenebataar, 2004], Северный Китай (включая Внутреннюю Монголию) вплоть до бассейна Ляохэ и едва ли не до Ляодунского залива [Wagner, 2006, S. 101–276]. Другая линия распространения «степных» форм указывает на более южное и юго-восточное направления. Аналогичные изделия известны в полупустынных и пустынных предгорьях Алтун-Шан и на плато Шанси-Шаанси (рис. 12). Они подступают уже вплотную к территории в бас-

*В указанной работе Восточно-Азиатская провинция именуется еще Центрально-Азиатской. Ныне считаю, что термин «Восточно-Азиатская» точнее.

сейне Хуанхэ, подчиненной правителям династии Шан [Chinese Archaeology, 2003, p. 585–590].

Необходимо отметить еще одно весьма существенное отличие сопоставляемых моделей. Металлургическое производство эпохи Шан и Западного Чжоу львиную долю своих бронз, безусловно, направляло на сакральные цели, связанные прежде всего с многообразными ритуально-магическими обрядами. Карасукская металлургия несравненно рациональнее. По всей видимости, в первую очередь, она служила созданию металлического оружия. Украшение коленчатых ножей фигурками животных или узорами не меняло основного характера северного ремесла. Бляшки, подвески и даже загадочные предметы типа «конского ярма» имели в производственном цикле степных литейщиков и кузнецов, безусловно, подчиненный характер.

Заключительные замечания

Вновь возвратимся к высказанной ранее мысли: ко второй половине II тыс. до н.э. завершилось формирование гигантского Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур. Процесс этот протекал сложно и долго. Его отличали как удивительные по своей мощи «прыжки», так и внезапное резкое торможение. С того времени сложилась относительно стабильная «вертикальная», или «широтная», структура основных типов евразийских культур. И вплоть до Нового времени она являлась определяющей для многих важнейших исторических процессов. «Степной пояс» как раз и послужил водоразделом между мирами южных и северных общностей нашего континента.

Сами исторические процессы оказывались зачастую решающими в зарождении, существовании и гибели множества сообществ и популяций. С периода завершения формирования «степного пояса», связавшего во II тыс. до н.э. поражающие своими масштабами пространства от Черного до Желтого моря, появилась возможность различать также «горизонтальный», или «меридиональный», разрез евразийского мира. Вполне вероятно, что отчетливее всего такой водораздел отразился на формировании двух моделей металлургии – западно- и восточно-евразийской. За этими моделями к тому же явственно проглядывало формирование двух различных миров. И великий «пояс» степных культур нередко служил своеобразным мостом между ними.

И, наконец, последнее. Приведение в целостную систему статистически обработанной огромной серии калиброванных радиоуглеродных дат подталкивает нас к ревизии и весьма серьезным изменениям в общей картине не только абсолютной, но даже

относительной хронологии множества культур и общностей Евразии. Сомнению отныне могут быть подвергнуты многие археологические постулаты, касающиеся базовых аспектов построения релятивных хронологических шкал. Однако ясно, что обсуждение этих сложнейших проблем не может ограничиться краткими замечаниями. Успех подобных дискуссий, безусловно, связан со специальными и широкими исследованиями.

Список литературы

- Антипина Е.Е., Моралес А.** «Ковбои» восточно-европейской степи в позднем бронзовом веке // *ÖPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. – М.: ИА РАН, 2005. – Вып. 4. – С. 29–49 (на рус. и англ. яз.).
- Археология** Украинской ССР. – Киев: Наук. думка, 1985. – Т. 1.
- Джапаридзе О.М.** К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н.э.: (Раннекурганская культура). – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1998. – 251 с. (на груз. яз.).
- Каргалы** / под ред. Е.Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2. – 182 с.
- Каргалы** / под ред. Е.Н. Черных. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т. 4. – 239 с.
- Котова Н.С.** Неолитизация Украины. – Луганск: Шлях, 2002. – 267 с.
- Лебедева Е.Ю.** Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы Восточной Европы // *ÖPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*. – М.: ИА РАН, 2005. – Вып. 4. – С. 50–68 (на рус. и англ. яз.).
- Мунчаев Р.М.** Кавказ на заре бронзового века. – М.: Наука, 1975. – 415 с.
- Рындина Н.В.** Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 287 с.
- Формозов А.А.** Каменный век и энеолит Прикубанья. – М.: Наука, 1965. – 160 с.
- Черных Е.Н.** Каргалы: Феномен и парадоксы развития. – М.: Языки славянской культуры, 2007а. – 200 с. – (Каргалы; т. 5).
- Черных Е.Н.** Древняя металлургия евразийских степей и Китая: проблема взаимодействий // *Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология*. – Иркутск: Оттиск, 2007б. – Т. 2. – С. 276–284.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б.** Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: ИА РАН, 2000. – 95 с.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В.** Металлургия в Циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // *РА*. – 2002. – № 1. – С. 5–23.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.** Радиоуглеродная хронология майкопской археологической общности // *Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Мат-лы*

Междунар. науч. конф. – Махачкала: Изд. дом «Эпоха», 2007. – С. 10–28.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Юрченко А.Г., Аксенов С.В. Христианский мир и «Великая Монгольская империя»: Материалы францисканской миссии 1245 г. – СПб.: Евразия, 2002. – 478 с.

Bar-Adon P. The Cave of the Treasure: The Finds from the Caves in Nahal Mishmar. – Jerusalem: The Bialik Institute and the Israel Exploration Society, 1971. – 252 p. (in Hebrew).

Černych E.N. Frühestes Kupfer in der Steppen- und Waldsteppenkulturen Osteuropas // Die Kupferzeit als historische Epoche / Hrsg. J. Lichardus. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1991. – S. 581–592.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR: The Early Metal Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 416 p.

Chinese Archaeology: Xia and Shang / ed. by The Institute of Archaeology Chinese Academy of Social Sciences. – Beijing: China Social Sciences Press, 2003. – 668 p. – (Archaeological monographs series; Type A; N 29).

Comşa E. Cucuteni und Nordpontische Verbindungen // Die Kupferzeit als historische Epoche / Hrsg. J. Lichardus. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1991. – S. 85–88.

Ecsedy I. The people of the Pit Grave cultures in Eastern Hungary. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1979. – 148 p. – (Fontes Archaeologica Hungaricae; N 10).

Erdenebataar D. Burial Materials Related to the History of the Bronze Age in the Territory of Mongolia // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River / ed. by K. Linduff. – N.Y.: The Edwin Mellen Press Ltd., 2004. – P. 173–188.

Jovanović B. Stepska kultura u enolitskom periodu Jugoslavije // Praistorija Jugoslavenskih zemalja: Eneolit. – Sarajevo: Akademija nauka i umetnosti Bosne i Hercegovine, 1979. – S. 381–396.

Kohl Ph. The Making of Bronze Age Eurasia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 296 p.

Mei Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its cultural context and relationship with

neighbouring regions. – Oxford: Archaeopress, 2000. – 187 p. – (British Archaeological Report, International Series; N 865).

Mei Jianjun. Metallurgy in Bronze Age Xinjiang and its Cultural Context // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River / ed. by K. Linduff. – N.Y.: The Edwin Mellen Press Ltd., 2004. – P. 173–188.

Rassamakin Ju. Ja. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. // Archäologie in Eurasien. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – Bd. 17, T. 1: Text. – 254 S; T. 2: Katalog und Tafeln. – 278 S.

Petrescu-Dîmbovița M. Depozitele de Bronzuri din România. – București: Editura Academiei RSR, 1977. – 390 s.

Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2000. – Bd. 10. – 73 S., 85 Taf.

Telegin D.J. Gräberfeld des Mariupoler Typs und der Srednij Stog-Kyultura in der Ukraine (mit Fundortkatalog) // Die Kupferzeit als historische Epoche / Hrsg. J. Lichardus. – Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1991. – S. 55–84.

Telegin D.Ya., Kovaliukh N.N., Potekhina I.D., Lillie M. Chronology of Mariupol type cemeteries and subdivision of the Neolithic–Copper Age Cultures into periods for Ukraine // Radiocarbon and Archaeology. – St Petersburg: Thesa, 2000. – Vol. 1. – P. 59–74.

The Formation of Chinese Civilization: An Archaeological Perspective / eds. Chang Kwang-chih, Xu Pingfang. – Yale: Yale University Press and New World Press, 2005. – 363 p.

Todorova H. Die Anfänge der Metallurgie an der westlichen Schwarzmeerküste: The Beginning of Metallurgy // Der Anschnitt. – 1999. – Bd. 9. – S. 237–246.

Wagner M. Neolithikum und Frühe Bronzezeit in Nordchina vor 8000 bis 3500 Jahren. – Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2006. – 355 S. – (Archäologie in Eurasien; Bd. 21).

Материал поступил в редколлегию 10.10.07 г.